

1. Постановка вопроса

XIX век стал последним столетием, удерживавшим массовое сознание населения нашей планеты в пределах земного пространства.

К началу XX века сознание это было уже вполне подготовлено, чтобы признать новый взгляд человечества на себя. Взгляд не по принципу зеркального отражения, а как бы со стороны — третьим зрением, если под первым полагать взгляд снаружи, а под вторым — взгляд изнутри.

Новый этот взгляд не мог быть сформулирован и сформирован без совместных усилий науки и искусства и, в частности, без Эйнштейна и Чехова, параллельные чьих поисков незримо, но вполне осязаемо пересекались.

Надо заметить, что к 1905 году, независимо от А.Эйнштейна и одновременно с ним, А.Пуанкаре разработал основы специальной теории относительности с анализом ее приложений и математических следствий.

С другой же стороны, стоит обратить внимание на слова А.Кугеля в его опубликованных в 1900 году "Театральных заметках" о чеховском "Дяде Ване": "Г-н Чехов чувствует, мыслит и воспринимает жизнь эпизодами, частностями, ее разбродом, и, если можно так выразиться, бесконечными параллелями, нигде не пересекающимися, по крайней мере, в видимой плоскости".

Данные факты — лишнее подтверждение того, что не один Колумб открывал Америку.

Данные факты — еще одно доказательство реального существования "относительности".

Известный исследователь научного творчества Эйнштейна Б.Кузнецов писал: "В литературе, посвященной творчеству Эйнштейна, теории относительности и современной физике в целом, все чаще и шире анализируются этические критерии последней и, прежде всего, значение науки для жизни людей, для конкретных жизненных ситуаций, которые всегда были и всегда будут объектом художественного воспроизведения. Вместе с тем художественная литература и посвященные ей исследования чаще и во все более обобщенной форме показывают коллизии научного творчества, поднимаясь от отдельных литературоведческих экскурсов к интегральной демонстрации связи науки, морали и эстетики".

Речь, как видим, идет о некоем встречном движении науки и искусства, составляющих в целом то, что называется культурой человечества.

Речь идет о том встречном движении, где параллели науки и искусства так или иначе, рано или поздно пересекаются.

Таким образом, уже самой постановкой вопроса мы обязаны не только вышеупомянутому Б.Кузнецову, но, и конечно же, Эйнштейну с его теорией относительности и Чехову с его, скажем так, практикой относительности, результатом которой являются его пьесы — не менее знаменитые, чем открытия Эйнштейна.

Фигуру Эйнштейна невозможно ограничить одной только этой связью — с фигурой Чехова, исследование которой дарит нам множество "сюжетов для небольшого рассказа". Тот же Кузнецов, например, весьма плодотворно сопоставлял Эйнштейна с Достоевским и другими художниками, другими творческими личностями.

Принцип встречного движения и относительности самого нашего поиска то и дело корректируют именно "сюжеты для небольшого рассказа", позволяющие выстраивать неожиданные подчас ряды.

Например, такой: Сад у Чехова — Сад у Рюноске Акутагавы в его новелле "Сад" — и Сад в фильме Отара Иоселиани "Охота на бабочек" ("ЭС", № 31-32, 1993).

В другой раз возник сюжет "Лохнесское чудовище в чеховском 'Озере' (или 'Чайка' Чехова и проблема 'мировой души'), где могут быть сопоставлены два космоса: микрокосмос Тригорина, в который аккуратно входит жизнь персонажей этой пьесы, и макрокосмос Треплева, его неуклюжий юношеский опус о 'мировой душе'. Этот сюжет возник под воздействием японской постановки 'Чайки' режиссером Хироватари Цунэтоси, увиденной во время гастролей театра 'Токио Энгеки Ансамбл' в Москве.

В третий раз (еще один зигзаг к Достоевскому), читая книгу Юрия Карякина "Достоевский и канун XXI века", довелось обнаружить весьма интересную, на мой взгляд, находку автора.

Карякин подсчитал, что в произведениях Достоевского около четырех тысяч раз

встречается слово "вдруг". "Это вдруг, — пишет Карякин, — можно уподобить своего рода космическим духовным лучам из будущего. Непостижимым образом, словно какой-то сверхчуткий прибор, Достоевский улавливает невидимые лучи беды, лучи опасности, лучи тревоги, улавливает и концентрирует, фокусирует, усиливает их в себе до боли невыносимой и, наконец, направляет их на читателя. (...) Вообще слово 'вдруг' у Достоевского и можно, по-видимому, считать предельно минимальной единицей бессознательной художественной изобразительности".

Саму эту единицу "вдруг" Карякин дифференцирует следующим образом: "Есть 'вдруг' — носитель мертвого времени и 'вдруг' — носитель времени живого. 'Вдруг' — некрасивость и 'вдруг' — красота.

Если четыре тысячи "вдруг" Достоевского превосходили миллионы "вдруг", обрушившиеся на нас в XX веке, то сколько и каких "вдруг" ожидают нас в веке XXI?"

Хотелось бы указать сейчас на вполне допустимую вероятность сопоставления этого "вдруг" у Достоевского и "звука лопнувшей струны" у Чехова.

"Вдруг" Достоевского по-своему подготовило возникновение "звука лопнувшей струны" Чехова.

"Звук лопнувшей струны" можно смело сделать своего рода заставкой, эмблемой XX века, наподобие заставки какой-нибудь киностудии или программы теленовостей.

"Звук лопнувшей струны", достигнув имени Раневской, не иссяк там, а унесся дальше в XX век и доносится до нас и поныне. Нет, он не стал громче, но он стал, увы, настойчивей.

Почему — "увы"? Потому что слишком много "вдруг" накопилось за это время, едва ли не достигнув пределов критической массы.

"Звуку лопнувшей струны" посвящено специальное эссе. Сейчас же для информации ограничимся кратким изложением сути.

II. Эхо эха

Нормальное полнокровное существование чеховских героев — непрекращающееся движение в пространстве и во времени. Не в Москву, не в Харьков и не в Париж, а прямоком в сторону обитания "мировой души". Из будущей в вечность.

Чехов писал эпические комедии. Чехов видел человека, как импрессионисты — пейзаж.

Основа основ там и здесь — переменчивость, подвижность, многоаккурность взгляда. Космизм.

Даже непревзойденный чеховский комизм отчасти в нем — в космизме.

Оттого и Епиходов у Чехова смешон не только как "акробат" (сапоги со скрипом, сломанный кий и тому подобное), но и как "философ" ("Вы читали Бокля?").

Бокль, конечно, не Эйнштейн. Так ведь и Епиходов не Чехов.

Меж тем формулу энергии "мировой души" можно определить и так: $E=mc^2$. В этом все дело.

"Звук лопнувшей струны" — сигнал этой энергии.

Если разобрать, день по отношению к ночи — тоже эхо эха. Когда где-нибудь день, в другом месте обязательно ночь. И наоборот.

Человеку, чья брешьная плоть слишком хрупка и слишком недолговечна, трудно примириться с существованием чего-то куда более протяженного и прочного, нежели его жизнь или жизнь ему подобных.

Человек оттого и время под себя приспособил: в настоящем времени он существует сам, в прошлом — его память, в будущем — его мечты или грезы.

Так человек распорядился со временем, так человек распределился в нем. Больше того: ему кажется, что каждая из составных времен подобна грани равносильного треугольника.

"Вчера" в какой-то точке пересекается с "сегодня". "Сегодня" в какой-то точке пересекается с "завтра".

Но "завтра", заметьте, непременно пересечется со "вчера".

И все повторится снова. И опять, и опять.

Почему дважды? Потому что "звук" этот, который уже сам

по себе — эхо, эхо "мировой души", дважды повторенный, делается как бы эхом эха. Многократно множится. Ревербируется. Параллелируется. Становится относительным.

Волны этого "звука" — как волны самого времени в океане бытия.

В пьесе "Вишневый сад" "звук" этот донесло эхо "Чайки".

Что есть эхо? Это эхо о звуке? Или сам звук, только в пути следования подрастерявший, подтравивший первородную свою энергию?

А может быть, тогда эхо — это постаревший звук, звук, подавший в отставку, звук, вышедший на пенсию?

Есть анатомия звука. Есть трансформация звука в эхо.

И есть периоды эха. И трансформация уже самого эха.

Анатолий Эфрос, находясь в 1981 году в Токио, говорил артистам театра Тозн перед постановкой "Вишневого сада": "В чем, так сказать, основная проблема 'Вишневого сада'? В том, что жизнь — как вихрь. А люди не успевают за этим вихрем. Вихрь сбивает людей, уносит их. Вихрь всегда над нами. Мы — следы этого вихря, которому название: **время**. Время безжалостно, стремительно, беспощадно. Оно меняется и меняет нас, так же как вулкан меняет рельеф земли. И люди всегда перед вулканом, в общем, бессильны. Вулкан перестраивает рельеф земли. Чехов почувствовал в те годы, что рельеф земли изменяется. И написал об этом пьесу. В этой пьесе прошлое России, настоящее России того времени — и будущее. И все это связано".

Тонкое наблюдение театрального мастера

Чехов и

Виктор ГУЛЬЧЕНКО

Чехов все больше становится спутником жизни. Верным спутником: потому что способен откликнуться на многие тревоги и сомнения. Надежным спутником: потому что умеет одарить надеждой. Подмывает даже сказать: единственным. А кто же тогда окружающие вас люди? И что же тогда бурлящая вокруг вас жизнь?

Так или иначе, но Чехов оказывается ближе и нужнее многих. Наверное, потому, в частности, что он умеет слушать и не спешит говорить.

Чехов — персонаж диалога. Место его собеседника вакантно для каждого, кто способен настроиться на чеховскую волну.

Приближающееся столетие "Чайки" (17 октября 1896 года — день ее триумфа-провала на Александринской сцене), почему-то волнует много больше, чем грядущее событие 16 июня, приуроченное к телепередаче "Куклы", которые меж тем сами добрались уже и до "Трех сестер".

Как видим, сколь от Чехова ни уходи, все равно к Чехову и придешь.

Чеховские тетради, существующие в реальности, позволяют наблюдать за Чеховым в повседневные нашей жизни, позволяют соотносить обнаруженное, открытое, подмеченное другими с собственным скромным опытом. В основу публикуемой статьи, в частности, положены тезисы доклада на Чеховских днях в Ялте два года назад — в его добром и гостеприимном Доме-музее, который сейчас, в апреле, на нынешних Чеховских днях отметил свое 75-летие.

В.Г.

подсказывает следующее сравнение:

у Чехова человек и его судьба есть эхо судьбы той части человечества, которая зовется Россией.

Мы имеем дело с еще одним параллельным "вчера", параллельным "сегодня" и параллельным "завтра".

Надо ли говорить, что параллельные величины времени с одинаковыми названиями имеют разную протяженность, разную скорость и разную плотность. Повторяют эффект эха.

III. Время и мы

Еще раз обратимся к книге Ю.Карякина "Достоевский и канун XXI века": "...предстоит смена расчета, ритма жизни всего нашего рода людского, — пишет он. — Раньше у нас действительно была в запасе вечность, и мы жили как бы по песочным часам: проходил день, год, век — мы переворачивали их (то бишь песочные часы. — В.Г.) и время начиналось заново, текло, как прежде. А теперь оно стало словно **вытекать** из бытия, из смертельно раненого нами бытия, вытекать, как кровь из раны. И придется отныне **бороться за время, как бороться за жизнь: это одна и та же борьба**".

Обратите внимание на этот образ: **время, вытекающее из бытия**. Очень сильный, впечатляющий, многозначный образ.

В произведениях искусства XX века не раз запечатлевалось распадавшееся, остановившееся, замершее время; хорошо известны, скажем, часы без стрелок из фильма Бергмана "Земляничная поляна". Так или иначе, это образы времени, оказавшегося в конфликте с бытием. Можно сказать, что в данных образах зафиксирован сам момент пересечения параллельных. Это наглядное признание разных скоростей времени, колеблющихся, изменчивых взаимоотношений времени и бытия.

Конечно, следовало бы говорить: "время и бытие", что является истинной проблемой XX века, а не использовать это вот понятие "время и мы", искаженное к тому же у нас тем атеистическим коммунизмом, согласно которому, коли нет Бога, значит нет и бытия, а коли нет бытия, так остается одно только время да "мы" над ним. "Мы" — лопахины "новой жизни", о которой мечтали Петя Трофимов и юная наивная Аня, мало пока разгаданная театром чеховская девушка.

Какая пришла "новая жизнь", мы уже достаточно знаем: в практически мало изме-

Экран и сцена

нившись своим виде "новая жизнь" длится с октября 1917 года буквально по сей день и час. Отрицание Бога и бытия, самонадеянное и глубоко невежественное выдвигание человека на роль хозяина, владыки времени (сегодня бы сказали: приватизатора времени) даром, разумеется, не прошли.

Хотя, конечно же, "новая жизнь" возникла, в свою очередь, не сама по себе, а из некоей, тоже особенной, "старой жизни", о которой хорошо сказал Чаадаев: "Мы никогда не шли рука об руку с прочими народами; мы не принадлежали ни к одному из семейств человеческого рода... ни к Западу, ни к Востоку... Стоя как бы вне времени, мы не затронуты всемирным воспитанием".

Вернемся к теме.
Когда Варя швыряет на пол ключи от имения, кажется, что она, помимо прочего, швыряет уже нам, а не Лопахину **ключи от вре-**

на поэтической карте Чехова, в пейзаже чеховских драм.

Этот Сад можно продать, можно вырвать, но невозможно **вытравить** из сознания персонажей, изгнать из их памяти, которая, в конце концов, окажется для них подлинней самой реальности — **памятью в настоящем времени**. Past in the Present.

Покупка Лопахиним имения Раневской, случается, как известно, 22 августа, затем с концом лета и началом осени происходят неспешные сборы и отъезд.

Май и весна уже далеко позади — примерно там же, где у Фирса его прошлое, но когда Сад рубят — он все равно **продолжает цвести**.

Скажем больше: он будет цвести **всегда**. И это — не просто поэтическая метафора и не лирический припадок автора в духе революционного романтизма Горького или Мая-

пространства (или близких друг другу пространства) в лирическом и в эпическом времени. Этот "зазор", эта дистанция, это несовпадение скоростей, это опережение или отставание, в свою очередь, и обеспечивают действие эффекта "очуждения".

"Очуждение" предоставляет возможность осуществить переход из лирического измерения в эпическое. Обыденное, повседневное получает черты исключительного, многозначного, возможного.

Точка превращается в длинное, если не бесконечное, многоточие.

Позволим себе выразиться и так: то, что у других точка, у Стрелера — многоточие.

Сделавшись четвертым измерением сценического пространства, время у Стрелера позволило качественно по-новому эпизировать лирическое театральное действие, придать ему многомерность и многообъемность. Обнаружившаяся возможность замедлять или ускорять движение пространства во времени открыла театру неожиданные горизонты.

Особенность, она же и главная трудность режиссерского метода Стрелера, состоит в том, что эпос и лирика, космос и быт выступают в его театре в органическом единстве, классическом единстве двух противоположностей. Расчленив же их пришлось условно — только для удобства разговора о чеховском хронотопе.

V. Относительность внутреннего мира

До сих пор мы больше касались мира **вокруг** чеховских персонажей, а ведь процессы, повторяющиеся (опять: принцип эха) **внутри** них, преломляющиеся в их душах, конечно же, представляют не меньший, если не больший интерес.

Шкловский писал о человеке у Льва Толстого: "Человек течет, и в нем есть все возможности: был глуп, стал умен, был зол, стал добр и наоборот. В этом величие человека. И от этого нельзя судить человека. Какого? Ты осудил, а он уже другой. Нельзя и сказать не люблю. Ты сказал, а оно другое..."

А вот что записал сам Лев Николаевич в своем дневнике 3 февраля и 21 марта 1898 года (обратите внимание на дату. — В.Г.):

"...Как бы хорошо написать художественное произведение, в котором бы ясно высказалась **текучесть** (подчеркнуто мною. — В.Г.) человека: то, что он, один и тот же, то злодей, то ангел, то мудрец, то идиот, то силач, то бессильнейшее существо".

Обратите внимание, как замыкается круг наших размышлений.

Мы начали с того, что **время вытекало из бытия**, и приходили к **лирико-эпическому чеховскому хронотопу**, а завершаем **текучестью человека**.

Относительность внутреннего мира чеховских персонажей — в **текучести человека**, пребывающего в **текущем времени**.

Вот где и вот в чем максимально сближаются искания физика Эйнштейна и лирика Чехова.

Два параллельных процесса, внешний и внутренний: текучее время и текучий человек.

Здесь, думается, и таится ключ к пониманию пьес Чехова и его героев, к выработке наиболее адекватного чеховской поэтике сценического языка.

VI. Предварительные итоги

Пьесы Чехова (такова новая их пр...

Эйнштейн

мени.

Нам внушали: бытие определяет сознание.

А что определяет бытие? Что есть источник самого бытия?

Бог?

Но "Бог не играет в кости", заметил Эйнштейн, он ничего не определяет. Ибо Бог есть данность, существующая независимо от нашего желания или нежелания — абсолютно независимо, как треплевская "мировая душа".

Опус Константина Треплева "о мировой душе" — по сути, есть развернутое в непонятные, вычурные слова о людях, львах, орлах и куропатках **предупреждение**, посылаемое нам "мировой душой" из недр бытия. Хочется назвать его **упреждающим предупреждением**. Это **сигнал тревоги**, изысканно оформленный самим Чеховым в виде "звука лопнувшей струны".

Стало быть, бытие все же прежде всего определяет время, а время, в свою очередь, определяет сознание, то бишь нас.

Здесь уместно привести слова Пиранделло, вложенные им в уста одного из своих персонажей: "Драма заключена в нас, мы сами — драма".

Чехов, наверное, как никто понимал это.

Привыкшие поворачивать реки вспять и "сказку делать былью", мы пытались проделывать подобные упражнения и с временем, замахиваясь тем самым на бытие, как лопахинский топор — на вишневый сад.

Чехов уже век назад предвидел, чем подобная "борьба титанов" может закончиться.

Именно тем, чем она и заканчивается сейчас, предъявив человечеству, по существу, ультиматум — либо явиться в XXI век с повинной, либо не явиться туда вообще никогда. И вообще никуда не явиться.

С точки зрения вечности, с точки зрения бытия — ничего особенного. Ну, еще одна планета опустеет, ну, на еще одну осиротевшую звезду станет больше. "Мировая"-то "душа" останется!

В канун XX века и на заре его Чехов и Эйнштейн, независимо друг от друга, предчувствовали и каждый по-своему поэтически или научно обосновали главнейший конфликт нынешнего уже клонящегося к закату столетия. Это конфликт времени и бытия, это нарушение прежних устойчивых связей между временем и бытием.

К началу XX века человечество в очередной раз поумнело, поднялось на новую ступень познания мира. И оно еще острее и пронзительнее осознало свое одиночество, свою зависимость от времени и бытия.

Хочется сказать так:

Эйнштейн — это алгебра теории относительности, а Чехов — ее гармония.

"Поверить алгебру гармонией" было рекомендовано однажды поэтом. Что вышло из конкретной этой попытки, мы знаем из "маленькой трагедии" Пушкина о Моцарте и Сальери. Но потребность в своего рода вивисекции живого сохраняется — чтобы лучше понимать сам конфликт времени и бытия и, в частности, конфликт героев Чехова со временем.

Со временем или с бытием? — вправе спросить мы.

А может, и с тем и с другим?

Может, законы времени действуют в лирическом пространстве бытия, а законы бытия — в эпическом пространстве времени?

Может, хронотоп Чехова, то есть художественное время-пространство Чехова (или художественное изображение времени-пространства у Чехова), — это **лирико-эпический, бытийно-временной хронотоп**?

IV. Чеховский хронотоп

Когда в пьесах Чехова герои выясняют отношения не только друг с другом, но и со временем — это означает, что в "Чайке", например, они вступают во взаимодействие с "мировой душой" и с Озером, а в последней его пьесе — с Домом и Садам.

Озеро, как и Сад, слишком много значат

сразу же в лирическом пространстве и времени и в эпическом пространстве и времени. Оба пространства при наложении одного на другое чаще всего совпадают, хотя и не всегда. Основной же "зазор", основная дистанция обнаруживаются при разворачивании данного "совпавшего"

Экран и сцена —